

30 ноября 1986 год

Эпизод

В НАШЕМ городе произошло ЧП: судили школьниц. Привычный, уютный школьный зал превратился в этот день в зал суда — здесь проходило выездное его заседание. Вместо скамьи подсудимых стояли обычные школьные стулья. На них сидели ученицы школы № 27 Светлана Аникина и Ольга Трифонова. Третья участница преступления Инна Мишечкина отвечала на вопросы судьи из зала — ей еще нет четырнадцати. В чем же обвинялись эти трое в школьной форме? В жестоком систематическом избиении своих сверстниц и ученик младших классов. За что? Да ни за что: не так сказала, не так посмотрела, не захотела сразу и безропотно отдать деньги. Не просто били — старались всячески унижить, поставить на колени, заставить умолять о пощаде. Откуда в этих девчонках столь изощренная жестокость, такой цинизм, такое озлобленное отношение к людям?

Вместе с лейтенантом милиции инспектором по делам несовершеннолетних Ленинского РОВД О. С. Семеновым я побывал во всех трех семьях и понял: скамья подсудимых не была случайностью для трех подружек — к ней логически подвели дорожки, проторенные, увы, из отчего дома.

Инна Мишечкина. Отца нет. Детей, кроме нее, еще пятеро, но мать просто-напросто отстранилась от их воспитания. Квартира в новом доме имеет убогий вид — обшарпанные стены, крутой грязь. Соседи свидетельствуют: что ни день, то скандал, драки из-за денег...

Ольга Трифонова. Вечно пьяный, буйный во хмелю отец, бессловесная, все терпящая мать. Не жестокость ли отца и унижительное положение в семье матери обострили желание дочери прижечь к «сильным», чтобы унижать других?

Светлана Аникина. О ней говорят: «пропащая» — все, даже мать. Светлана — дочь от первого брака. Шесть лет провела в интернате, в полном отрыве от дома, а когда вернулась, поняла: ее здесь не ждали. Отношения с отцом напряженные. Светлана часто не ночует дома, пропускает уроки, случалось, воровала дома деньги и вещи. С 1983 года состоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

А что же школа? Ей в этой истории суждено было сыграть самую скромную, самую незаметную роль. Участие школы в «воспитании» действительно трудных девчонок сводилось в основном к окрикам, правоучениям, наказаниям, угрозам. Можно ли ждать от такого «посева» добрых всходов?

...Суд огласил приговор: Аникину и Трифонову — к трем годам лишения свободы с отсрочкой приговора до совершеннолетия, Мишечкину — в специализированное училище для трудновоспитуемых подростков. И вот тут-то Инна, младшая из всех, не выдержала — разревелась, именно разревелась — громко, по-детски, в голос, отбросив и удалив, и напускную браваду... Слезы раскаяния? Хотелось бы верить в это...

Н. БУЛАВИНЦЕВ,
учитель.

ПЕНЗА.

С историей этой мы познакомили известного писателя и драматурга Виктора Сергеевича Розова, пристальное внимание которого к нравственным проблемам молодежи не

ослабевает, а только крепнет с годами. Думается, его мнение будет интересно нашим читателям.

СЛУЧАЙ этот при всей его диалектичности нельзя назвать исключительным, вот что самое печальное. Жестокость стала среди определенной части молодежи опасным социальным явлением, и «противоядие» против него общество наше пока еще не выработало. Можно только предполагать, сопоставлять, анализировать, доискиваясь до причин, до истоков — откуда в наш просвещенный век такие чудовищные отклонения от нормы?

Первое, о чем задумываешься, — семья, отчий дом, его нравственная атмосфера, его влияние на душу человека. В данном случае изъясн очевиден — у всех трех девчонок по существу нет дома. Все три семьи — явно

Но это — с одной стороны. А с другой — есть «молодые старички», которые уже теперь, в ранней юности, всем пресыщены. Эти заласканные и закормленные дети, ни в чем не знающие отказа, равнодушные ко всему на свете, кроме себя — своих ощущений, своих удовольствий, — источник «повышенной опасности», ибо порождают в слабых душах менее обеспеченных ровесников сознание своей неполноценности, ущербности, низменные чувства — зависть, угодливость, желание наверстать свое любым путем. А от такого желания до аморального поступка и дальше — до правонарушения и преступления — недалеко. Вот и эти три девочки тоже тянулись к власти над себе подобными, отнимали деньги у младших или не умеющих за себя постоять. Инна дралась из-за них с ма-

воспитателем, как труд. У тех трех девочек, которых судили за жестокость, потребность в труде, видимо, начисто отсутствует, как, впрочем, и у многих других в общем нормальных их ровесников. Уроки труда в школе, так называемая школьная производственная практика нередко не меняют дела, за исключением тех еще немногих школ, где ребят учат неформально. Зачастую же вместо настоящего труда — только игра в труд, причем игра неувлекательная, «обязаловка», не приносящая ни удовольствия, ни заработка, что тоже, кстати, немаловажно.

У нас почему-то не принято, чтобы подростки, даже велико-возрастные юноши, зарабатывали хотя бы свои карманные деньги. А между тем во многих западных странах дети даже богатых родителей подрабатывают,

ПИСЬМО УЧИТЕЛЯ КОММЕНТИРУЕТ ПИСАТЕЛЬ

Не в добрый час...

ВИКТОР РОЗОВ: Что толкает подростков на безнравственные поступки

ущербные: пьяные родители, скандалы и драки, дети, предоставленные самим себе. Но дело все-таки не только в этом, хотя такие семьи — откровенные расадники зла. Подобная история, однако, могла бы произойти и в иной семье, внешне благополучной. Видимо, играют свою роль и другие — глубинные, невидимые постороннему глазу родительские ошибки и просчеты. Убежден: зло всегда ложится к злу, добро — к добру.

Все мы — родом из детства. Честность, доброта, принципиальность, стремление к справедливости, стойкость против житейских соблазнов рождаются в отчем доме, формируются его атмосферой. Все то, что на протяжении жизни служит мне нравственной опорой, — я вынес из родительского дома. Тут имеют значение даже повседневные мелочи. Приведу крошечный пример из моего детства. Мать дала мне дружественный на мороженое, и я стремглав помчался за мороженщиком (в те времена они не стояли на месте). Купил, возвратился домой, разжал кулачок и отдал маме сдачу. Она ахнула: «Он дал тебе лишних три копейки. Скорее беги, догони и верни». Видели бы вы, как я мчался — только пятки сверкали: лишь бы догнать, лишь бы не ушел, — чтобы отдать чужое и вернуться домой с чистой совестью. Быть во всем честным самому — иного пути воспитания в ребенке честности я не вижу.

Конечно, с малыми детьми проще — для них родительский авторитет, как правило, непрекращаем, юности же свойственны скептицизм, бескомпромиссность в суждениях, максимализм, склонность к разочарованиям. А кругом так много соблазнов и несправедливостей тоже еще немало. Если в душе нет противовеса, то легко возникают обиды, и зависть, и злоба. Нельзя закрывать глаза и на то, что идет некое «несоциалистическое соревнование» в сфере потребительства. И те, у кого возможности поскромнее, стремятся подчас восполнить недостаток в сфере материальной превосходством в чем-то ином — грубой силой, жестокости, ранней изощренности в чем-то запретном, неведомом сверстникам. Так, полагаю, случилось и с тремя школьницами из Пензы, объединившимися вместе для гадкого дела — чтобы вершить свой неправый суд.

Светлана воровала дома. А власть завоевывали кулаками. Таким образом они старались восполнить то, в чем считали себя обделенными, по-своему — жестокостью и насилием — пытались утвердить свое превосходство, «отыгрываясь» за свою «пропащую» жизнь на ни в чем не повинных людях.

Теперь о школе, которая не сумела выправить нравственные вывихи подружек. Думаю, что это не случайно, то есть не потому, что именно эта школа оказалась неумелой, беспомощной. Вопрос, по-моему, стоит острее. У меня, признаюсь, свое отношение к современной школе, может быть, субъективное, но основанное на наблюдениях, фактах, жизненном материале. Возможно, школьная реформа еще удивит нас своими результатами, но пока наша школа — такая, какая она есть сегодня, — дает только знания и, может быть, еще дисциплину, хотя последняя нередко держится больше на запретах, чем на сознании. Роль современной школы в нравственном воспитании детей и юношества, увы, явно недостаточна, это четко прослеживается и на трех пензенских школьницах. Тревожит укоренившееся в школе стремление хорошо выглядеть, сгладить шероховатости, скрыть все дурное, выпить благополучное. Как ни горько об этом говорить, но нередко сам уклад школьной жизни приучает детей к неискренности, нечестности. И тогда, когда учитель вынужден ставить нерадивому ученику спасительную «тройку» вместо честной и заслуженной «двойки» — якобы ради «чести школы»! И когда на глазах у всех отцовская «персональная» «Волга» подвозит в школу ленивого отрока и никто не решается сказать «влиятельному» папе все, что положено. И когда объявляют победы с родителей на подношение учительнице — дорогие французские духи... Заорганизованность, парадность, показуха — вот от чего надо в первую очередь избавлять школу. Только тогда, очистившись от всего, что делается напоказ, проникшись подлинно макаренковским, честным духом, она сможет стать действительно первой помощницей общества в нравственном воспитании юношества.

И вот еще о чем я подумал. Мы нередко забываем о таком

учатся обеспечивать себя самостоятельно. Я знаю мальчику-американца, у которого есть мечта: «пройти всю Америку», и он сам зарабатывает деньги на свое путешествие по стране — мочет по вечерам посуду в кафе. Родители не препятствуют ему, хотя им ничего не стоит выложить безо всякого ущерба для семьи требуемую сумму, а, напротив, одобряют желание сына и его решение потрудиться для осуществления своей мечты. Критически относясь к американским стандартам, к практицизму и расчету в отношениях людей, должен, однако, признать, что вижу заслуживающий внимания пример в таком вот родительском стремлении приучать детей к ранней самостоятельности. А то мы всюду твердим — «Слава труду», а тем временем у какой-то части молодежи зреет бесстыдная «философия»: «где бы ни работала, лишь бы не работала» — чудовищная вдвойне для государства, провозгласившего труд делом чести.

Очень важным считаю с самого раннего детства формировать в человеке совесть. Только тот способен к искреннему раскаянию, в ком она есть. Так что боюсь, что слезы Инны после приговора — скорее от страха перед наказанием, чем от угрызений проснувшейся совести. Рано еще надеяться на это: не воспитанная с малых лет, она может проснуться только потом, много позже — как следствие чьего-то доброго и сильного влияния, то есть в зависимости от окружения, в которое попадут девчонки.

Почему подружки-школьницы потянулись к изнанке жизни? Не потому ли, что никто по существу не показал им светлых ее сторон? Наказаны они справедливо — отвечать за свои поступки должен каждый. Но только ли их вина в том, что случилось? Понимали ли они, что творят зло? Ведь из многих воспитателей не нашлось ни одного, кто научил бы их «казам добра». И если рассматривать их поступок как общественно опасное явление и вести речь о том, как излечить немалую часть нашей молодежи от душевной черствости, «сердечной недостаточности», то нужно еще много усилий — и родителей, и школы, и всего общества. В этом смысле суд над тремя школьницами можно считать уроком для взрослых.